

**«ЧУДЕСНОЕ» В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНИХ РИМЛЯН
ИМПЕРАТОРСКОЙ ЭПОХИ
(по произведениям Лукиана)**

*Работа представлена кафедрой культурологии и журналистики
Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Т. Б. Перфилова*

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов ментального мира Древнего Рима, а именно – отражению иррационального опыта человека в контексте его повседневной реальности. Материалом исследования послужили сатирические диалоги Лукиана Самосатского (II в. н. э.), в которых представлены характерные черты мировоззрения жителей восточных провинций Римской империи.

The article is devoted to the research of some aspects connected with the mentality of Ancient Roman citizens: reflexion of man's irrational experience in the context of everyday reality. The work is based on the satirical dialogues of Lucian of Samosata (the 2nd cent. A. D.). They reflect the mentality of citizens of eastern provinces in the Roman Empire.

Чудесное практически на всем протяжении истории человечества предстает как нечто притягательное и в то же время отталкивающее, вызывающее интерес, стремление познать его и одновременно страх перед непредсказуемыми последствиями этого познания. Поэтому изучение восприятия феноменов чудесного людьми разных эпох позволяет выявить особенности одной из важных сторон культуры – взаимоотношение человека, его «естественного», привычного мира и мира «сверхъестественного», чудесного, раскрыть модели поведения, выстраивавшиеся на основании этого взаимоотношения.

В большинстве случаев термины «чудо», «чудесное» интерпретируются как явления, превышающие силы и законы природы и совершаемые посредством вмешательства в мировой порядок сверхъестественных сил. Повседневная жизнь и чудесное противостоят друг другу как два несводимых одно к другому начала: как привычное и непривычное, как упорядоченное и находящееся вне обычного порядка, как близ-

кое и далекое. Эта противопоставленность подчеркивается во многих исследованиях. Так, например, историк Жак Ле-Гофф отмечает, что «чудесное – это противовес обыденности и размеренности повседневной жизни»¹. Однако при обращении к некоторым историческим периодам мы можем столкнуться с парадоксальной ситуацией: повседневность, *исключающая* всякое чудесное, в то же время *включает* его в себя. Речь идет об эпохе античности, а именно о Римской империи II в. н. э.

В это время Римское государство представляло собой «удивительный пример органичной спаянности при невероятных различиях отдельных своих частей»², причем части – Запад, Восток, варварский мир – способствовали формированию своеобразного «синкретичного» чудесного. Последнее все настойчивее и прочнее входило в повседневную жизнь римлянина, освобожденного от своих традиционных занятий – войны, земледелия и управления общиной – и поставленного перед необходимостью строить свою расширившуюся частную

жизнь, исходя из иных ориентиров. Эта противоречивая эпоха нашла отражение в произведениях многих античных авторов, из которых мы предпочли сатиры Лукиана из Самосаты (III в. н. э.). Лукиан, как отмечает исследователь его творчества А. И. Зайцев, «прямо, открыто, часто в предельно резкой форме высказывается по животрепещущим проблемам жизни»³, среди которых не последнее место занимало легковверное увлечение невероятным и чудесным.

В качестве источников интересующей нас информации были использованы следующие произведения Лукиана: «О сирийской богине», «Любители лжи, или Невер», «Александр, или Лжепророк». Материал указанных сочинений позволяет выделить те грани повседневной жизни, в которой различные феномены области чудесного представлены наиболее ярко, а также проследить причины наблюдавшегося в эту эпоху повышенного интереса к ним.

В первую очередь следует отметить, что чудесное, присутствовавшее в повседневной жизни человека, было связано с тремя пространствами или мирами:

- 1) с миром высших сил – богов, духов, привидений;
- 2) с миром человека, его обыденной жизни;
- 3) с миром людей-медиаторов, способных связывать два первых мира.

Рассмотрим более подробно чудесные явления, составляющие содержание каждого из этих пространств.

Пространство высших сил. Чудесные события, связанные с богами и происходившие постоянно, в одно и то же время, описаны Лукианом в сочинении «О сирийской богине». «Каждый год из Египта в Библ, – пишет автор, – приплывает голова, плывущая по морю в течение семи дней. <...> Все это похоже на настоящее чудо» (О сирийской богине, с. 7)⁴. «В стране Библа есть еще и другое чудо, – продолжает он, – это река, текущая с Ливанских гор в море. Имя ее – Адонис. Каждый год она меняет свой цвет, делаясь кровавой. <...> Рассказывают, что

в эти дни на Ливане получает рану Адонис и что его кровь, стекая в реку, меняет ее цвет» (О сирийской богине, с. 8). Несмотря на то что один житель Библа указал рассказчику на «истинную причину» подобного явления – почвы с примесью сурика, смываемые в реку, все же «большинство думает» в русле «божественного» происхождения необычного цвета реки. Один из героев сатиры Лукиана «Любители лжи, или Невер» повествует еще об одном «повседневном» чудесном явлении, наблюдаемом в Египте: «Я захотел доплыть до Копта, чтобы оттуда дойти до Мемнона и услышать это удивительное явление: как Мемнон звучит при восходе солнца» (Любители лжи, или Невер, с. 33). Как видим, божественное чудесное присутствовало в повседневности постоянно, являясь через четко определенные промежутки времени, причем эти явления были обусловлены, как правило, субъективным восприятием реалий окружающего мира.

Не менее часто в повседневную жизнь людей «вторгались» всевозможные духи, призраки, привидения. Так, например, один из беседующих в «Любителях лжи...» утверждает, что «лично я созерцал духов не однажды, а тысячу раз», а другой, в ответ на сомнение рассказчика, восклицает: «Ты думаешь, что ничего такого не происходит, несмотря на то что все, можно сказать, это видят?» (Любители лжи, или Невер, с. 17, 30). В этом же диалоге Лукиан передает рассказы о «беспокойном и страшном» призраке, обитавшем в доме, статуе, способной сходить со своего пьедестала и прогуливаться по саду, а также излечивать от лихорадки и др. Итак, духи, призраки и привидения, часто беспокоя людей в их повседневной жизни, сами становились достаточно «повседневным» явлением.

Далее обратимся к чудесам, сопровождавшим *обыденную жизнь людей*. Главным образом, это были средства, используемые в процессе врачевания болезней. О некоторых из них Лукиан, не без иронии, рассказывает в «Любителях лжи». Например,

«если поднять левой рукой с земли зуб землеройки и привязать его к только что содранной шкуре льва и затем обмотать этой шкурой ноги, боли сейчас же прекращаются» (Любители лжи, или Невер, с. 7). На критику этой своеобразной симпатической магии один из участников разговора отвечает следующим образом: «Ты не признаешь, мне кажется, даже самых очевидных вещей: изгнание лихорадок, чарование пресмыкающихся, врачевание бубонов и прочее, проделывающееся теперь и старухами» (Любители лжи, или Невер, с. 9). Как видим, практика подобного врачевания болезней была распространена достаточно широко и являлась вполне повседневным занятием.

Не менее важную роль в жизни людей играла и так называемая любовная магия. Для ее свершения часто прибегали к помощи людей, считавшихся магами, ведьмами, т. е., по нашему определению, *людьми-медиаторами*. Примером их «чудесного искусства» может служить следующий фрагмент: «Выждав народившуюся Луну, маг вырыл в одном из открытых помещений дома яму и в полночь вызвал Гекату, которая привела с собой Кербера, и низвел Луну. <...> Под конец, вылепив из глины маленького Эрота, маг произнес: “Ступай и приведи Хризиду”. Глина вылетела, и недолго спустя Хризида постучалась в дверь...» (Любители лжи, или Невер, с. 14). Маги, по словам «очевидцев», были способны творить и другие чудеса, например, «носиться по воздуху, ступать по воде, медленным шагом проходить через огонь», а также «отгонять от бесноватых страшные видения, заклиная призраки» (Любители лжи, или Невер, с. 11–13, 16).

Следует отметить, что среди тех, кто претендовал на обладание неким «сверхъестественным» даром, встречалось немало обманщиков и шарлатанов. Лукиан описывает одного из них в своем сочинении «Александр, или Лжепророк». Этот человек провозгласил себя пророком, толкователем изречений «бога» Гликона, «сына»

Асклепия. Лукиан последовательно раскрывает ухищрения Александра, позволившие ему снискать славу и почет среди миллионов людей, например: «Придумав разнообразные способы снимать печати (с табличек, содержащих вопрос. – *Е. Р.*), Александр прочитывал каждый вопрос и отвечал на него как находил подходящим в данном случае; затем запечатывал и отдавал их, к большому удивлению получавших» (Александр, или Лжепророк, с. 20).

Не менее важным, на наш взгляд, является описание особенностей характера веривших лжепророку людей, содержащееся в данном сочинении. Их основополагающая характеристика заключается в следующей фразе: «Они (Александр и Кокон. – *Е. Р.*) стали странствовать вместе, обманывая и занимаясь предсказаниями, причем стригли “толстых” людей (так исстари на языке магов называется толпа)» (Александр, или Лжепророк, с. 6). Итак, основным объектом «пророческой» деятельности являлась толпа. В данном случае уместно привести описание этого феномена, содержащееся в работах таких классиков психологии толп, как Г. Лебон, С. Московичи и др. «Блуждая всегда на границе бессознательного, – пишет Г. Лебон, – легко подчиняясь всяким внушениям, толпа, лишенная всяких критических способностей, должна быть чрезвычайно легковерна. Невроятное для нее не существует»⁵. Применяя эту характеристику толпы к людям рассматриваемой эпохи, мы можем сделать вывод о том, что в основе процветания всевозможных «пророков», «магов» лежат не только их способности к обману и внушению, но и специфические особенности людей, становившихся жертвами шарлатанов. В описании Лукиана они наделяются чертами, во многом пересекающимися с вышеприведенными. Так, автор «Александра», повествуя о начале «карьеры» последнего, пишет следующее: «Александр предпочитал свою родину, говоря, что для начала такого предприятия нужны люди неповоротливые и глупые, готовые всему пове-

рять» (Александр, или Лжепророк, с. 10). Далее Лукиан дает еще более уничижительную характеристику людей, поверивших Александру: «Город переполнился людьми, лишенными мозгов и рассудка, только по виду отличающимися от баранов» (Александр, или Лжепророк, с. 15). Впрочем, в другом месте автор оправдывает наивных: «Говоря правду, нужно простить этим пафлагонцам и жителям Понта, людям “толстым” и необразованным, что они были обмануты. <...> При тусклом свете посещавшие видели, как голова (якобы богазмея. – *Е. Р.*) действительно разевает и закрывает пасть» (Александр, или Лжепророк, с. 17). Глупым и недалеким людям Лукиан противопоставляет философов: «Все было так хитро устроено, что требовался какой-нибудь Демокрит или Эпикур, чтобы не поверить всему этому и сообразить, в чем дело» (Александр, или Лжепророк, с. 17). В данном случае мы сталкиваемся с антиномией индивид – толпа, в которой толпа наделяется негативными характеристиками, в частности: необразованностью, склонностью верить всевозможным «чудесам», в то время как индивид, обладающий критическим разумом, способен отличить истинность от кажимости.

Наряду с «глупой» и «неповоротливой» толпой и теми, кто использует ее в своих целях, Лукиан подвергает осмеянию людей, которые обладают «врожденной любовью

ко лжи». Он задается вопросом: «Что приводит многих людей к желанию обманывать настолько, что они и сами с удовольствием рассказывают всякие небылицы и говорящим подобные глупости уделяют большое внимание?» (Любители лжи, или Невер, с. 1). В некоторой степени оправдывая поэтов, которые примешивают к своим произведениям «удивительную прелесть вымысла, необходимую для слушателей» (Любители лжи, или Невер, с. 4), и жителей городов, которые чудесными рассказами «стремятся придать большую важность своему отечеству» (Любители лжи, или Невер, с. 4), Лукиан устами своего героя утверждает, что «люди, которые решительно без всякой причины находят во лжи удовольствие должны возбуждать всеобщий смех» (Любители лжи, или Невер, с. 4). Тем не менее подобных людей было немало в Римской империи II в. н. э., что подтверждает материал сочинений как Лукиана, так и других античных авторов.

Таким образом, в рассматриваемую нами эпоху повседневная жизнь обитателя Римской империи была наполнена чудесными явлениями, которые, не обладая объективным бытием, но являясь результатом особого восприятия реальности человеком, становились ее неотъемлемой частью, практически самой повседневностью, создавая тем самым специфическую атмосферу иррационализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ле-Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр.; Общ. ред. С. К. Цатуровой. М.: Издат. группа «Прогресс», 2001. С. 48.

² *Зелинский Ф. Ф.* Римская Империя. СПб.: Алетейя, 1985. С. 329.

³ *Зайцев А. И.* Лукиан из Самосаты – древнегреческий интеллигент эпохи упадка // Лукиан Самосатский. Сочинения: В 2 т. / Под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. С. 4.

⁴ *Лукиан Самосатский.* Сочинения: В 2 т. / Под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб.: Алетейя, 2001.

⁵ Психология толп. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998. С. 142.